

УДК 94(571.1/.5).084

ББК 63.3 (253) 53

Проявление общенационального кризиса России в Сибири осенью 1917 г.

М.И. Вторушин

Омский государственный технический университет (Омск, Россия)

Manifestation of Russia's National Crisis in Siberia in the Autumn of 1917

M. I. Vtorushin

Omsk State Technical University (Omsk, Russia)

Представлена проблема развития системного кризиса Сибирского региона России осенью 1917 г. как части общенационального кризиса накануне Октябрьского политического переворота в стране.

Цель исследования состоит в выявлении сущности общего кризиса Сибирского края этого периода, установлении внутренних и внешних факторов проявления, изучении вариантов и методов его преодоления в концептуальных установках общественных и социальных сил региона. Вопрос исследуется на принципах диалектико-материалистического метода познания исходя из конкретного опыта истории, историзма и связи с другими событиями эпохи.

Первая мировая война вызвала колоссальное перенапряжение всех областей жизнедеятельности общества России и его государства. Проблемы социально-экономического характера, не разрешенные накануне войны, резко усугубились уже в ее ходе. Правящая элита не сумела создать адекватную вызовам ситуации систему антикризисного управления, что привело в феврале 1917 г. к падению самодержавия и демократической революции. Возникшая на обломках старой системы управления конструкция февральского режима власти, пытавшаяся в условиях тотальной войны осуществить революционные преобразования, лишь обострила общенациональный кризис и привела к государственному коллапсу.

В этих условиях появились проекты выхода из общенационального кризиса и возрождения страны, предложенные большевиками («О задачах пролетариата в данной революции») и кадетами («Корниловская программа действия»). Также оформились варианты сепаратного выхода из кризиса национальных и краевых элит. В этом плане требует научного изучения ситуация в Сибирском регионе, где сложилась специфичная форма системного кризиса, обусловленная как общероссийскими проблемами, так и историческими «сибирскими вопросами», а также возник об-ластной вариант его преодоления.

The paper considers the problem of the systemic crisis development in the Russian Siberian region in the autumn of 1917 as a part of the national crisis on the eve of the October political coup in the country.

The purpose of the paper is to identify the essence of the general Siberian region crisis of this period, to define its internal and external manifestations, to understand the scenarios and ways of its overcoming in the concept of region public attitudes and social forces. The issue is investigated on the basis of dialectical materialism method through the historicism principles, the specific historical experience in connection with other historical events of the time.

The First World War caused the huge over-extension of all society life areas in Russia. Socio-economic problems, unresolved on the eve of war, grew worse. The ruling elite failed to create the crisis management system adequate to the situation requirement, which led to the autocracy downfall and the democratic revolution in February of 1917. Having emerged from the wreckage of the old management system, the February power regime trying to carry out the revolutionary transformation in conditions of total war only worsened the national crisis and led to the state collapse.

There appeared the projects to overcome the national crisis and revive the country, proposed by the Bolsheviks ("the proletariat tasks in the revolution") and the cadets ("the Kornilov action program") There were also the crisis separate overcoming scenarios offered by national and regional elites. This plan required the situation research in the Siberian region with the specific form of the systemic crisis, caused by both national problems and historical "Siberian issues". Moreover there appeared the regional scenario of crisis overcoming.

Ключевые слова: общенациональный кризис, областничество, суверенизация, мешочничество, твердые цены.

Key words: national crisis, regionalism, sovereignty, business with bags, fixed prices.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-10

Общенациональный кризис осени 1917 г. и политическая борьба за власть в стране являются объектом детального изучения на предмет установления закономерности пролетарской революции в России. В контексте исследования вопроса внимание привлекает ситуация в Сибири, где обстановка подводила ее население к варианту самостоятельного разрешения всего комплекса как исторических, так и вновь возникших проблем социально-политической и экономической жизни Сибирского региона.

Осенью 1917 г. перманентный кризис правящих «верхов» революционной России, непоследовательность кабинетов Временного правительства в решении общенациональных и сугубо «сибирских» вопросов, провал политики «бонапартизма» вызывали отторжение февральского политического режима у большей части населения края. Общественное неприятие Временного правительства сказывалось на эффективности функционирования как всей вертикали власти в регионе, так и на авторитете партии власти в лице эсеров, которые были не в состоянии разъяснить населению, например городов, причины общенационального кризиса. Как отмечала резолюция II Томской губернской конференции партии социалистов-революционеров (ПСР), «ЦК не контролировал деятельность отдельных членов партии, занимающих ответственные посты, что приводило к дискредитации партии в глазах широких народных масс» [1, с. 132].

Развивающиеся противоречия между центральным руководством партии эсеров и их организациями на местах («верхи партии были столь далеки от низов» [2, с. 378]) по вопросу о создании правительственной коалиции с ценовиками привели к кризису партии, так как идея коалиционного правительства с участием социалистов и кадетов осенью 1917 г. не получила поддержки у эсеровских организаций Сибири [3, с. 65]. Дело дошло до того, что 18 ноября 1917 г. Томская губернская конференция эсеров под влиянием многочисленных провалов ЦК партии обвинила его в нарушении принятых решений III съезда ПСР, после чего вынесла беспрецедентную резолюцию: «Конференция считает необходимым организацию суда над Центральным Комитетом» [1, с. 132–133].

Среди эсеров Сибирского региона последнее коалиционное Временное правительство А.Ф. Керенского, как и у других политических сил края, не имело авторитета еще и потому, как определила меньшевистская газета «Новая жизнь», что «бессильная в самостоятельной борьбе с контрреволюцией, неспособная к положительной творческой работе в деле оборо-

ны и борьбы с разрухой, живущая за счет авторитета и поддержки Совета и его руками выводящая страну из-под смертельного удара корниловщины, наша власть чувствует себя достаточно «независимой» и «неограниченной»... в пределах Зимнего дворца» [4, с. 225].

Еще в августе министр внутренних дел Временного правительства Н.Д. Авксентьев указывал на паралич государственного управления в стране. Это отмечал правительственный циркуляр губернским комиссарам, где указывалось, что на местах исполнительные комитеты всех уровней, не ставя в известность Министерство внутренних дел, издают для населения обязательные постановления [5]. При этом Н.Д. Авксентьев признал: «Центральная власть не знает, что делается на окраинах, и на местах не знают того, что делается в центре. ... Каждый уезд ведет свою линию, работает для себя и думает, что в этом выражается высшая идея народовластия» [6]. Одновременно министр призвал советскую демократию отказаться от каких-либо претензий на государственное строительство, которое он связывал с перманентным процессом стихийного создания рабочих и крестьянских Советов всех уровней, так как они постепенно по мере развития в России государственного кризиса подменяли собой структуры официальной власти страны, которые сложились после Февральской революции.

В августе 1917 г. для разрешения кризиса управления и фактического двоевластия в стране А.Ф. Керенский провел совещание с лидерами правых партий и ведущими функционерами политического режима, которое, исходя из ситуации политического кризиса, приняло решение «бороться всевозможными мерами, вплоть до упразднения тех комитетов и организаций, которые не считаются с распоряжениями центральных властей» [7]. Однако процесс уже был необратимым, а кризис центральной власти страны выявил в Сибири линию на самостоятельное разрешение общего кризиса края. Линия на сепаратное разрешение общенационального кризиса пропагандировалась в областной печати, а также на ряде общественных форумов Сибири областниками и близкими им по духу эсерами-автономистами, считавшими, что через введение областной автономии с максимальными полномочиями местной власти и экономическую автаркию можно было преодолеть обостряющийся социально-экономический и политический кризис региона [8].

Тенденция к суверенизации Сибири имела в этот период объективные предпосылки. В первую очередь

из-за хозяйственной ситуации, которая осенью 1917 г. осложнилась в стране как итог во многом непродуманной политики Временного правительства, находившегося в фазе кризиса, в области хлебозаготовок, когда, например, крестьянам Сибири вместо промышленных товаров предлагали ничем не обеспеченные облигации «Займа свободы» [9]. Министерство продовольствия, «стесненное в денежных средствах, рекомендовало местным продовольственным организациям прибегнуть к изысканию частных средств» [10], а затем оно «неожиданно для всех повысило на 50% твердые цены на хлеб со всеми на них добавками» [11], что не прибавляло доверия правительству среди крестьянства. Томские областники в ноябре 1917 г. сообщали населению, что «создавшееся в России положение грозит тяжкими последствиями Сибири, экономически отрезанной, не имеющей товаров, денег» [12]. Эта телеграмма отражала провал хлебозаготовок в Европейской России. Вопреки прогнозам и ожиданиям экспертов Временного правительства ряд районов страны оказался охваченным неурожаем, поэтому все продовольственные наряды ими не выполнялись [13].

Кроме того, массовый саботаж крестьян, казаков и помещиков в производящих губерниях Европейской России принудительных хлебных заготовок государства не позволил властям переложить на них задачу компенсации недобора продовольствия в пострадавших от недорода областях. Товарищ министра продовольствия С.А. Ершов заявил: «Все нарушения положения о хлебной монополии оставались совершенно безнаказанными» [14, с. 23]. Его коллега А.М. Никитин, министр внутренних дел, признал: «Ничего нельзя сделать» [15, с. 95]. Исходя из сложившихся трудностей в России с хлебозаготовками свои взоры продовольственные органы правительства обратили на Сибирь, где имелись запасы хлеба как прежних лет, так и нового урожая, поэтому «все внимание сосредотачивается на Сибири» [13].

По мнению областников, а по этому вопросу с ними были согласны и сибирские кадеты, находившиеся в оппозиции к правительству А.Ф. Керенского, «за последнее время с наступлением повсюду продовольственных затруднений на Сибирь стали смотреть как на обязательного поставщика всякого рода продуктов. С Сибири спрашивали и продолжают спрашивать решительно все: и масло, и хлеб, и мясо. Буквально со всех концов России несутся требования на все это, и она требования обязана удовлетворять» [11].

Требования на поставки хлеба сверх заданий беспокоили краевые власти: «Сеть правительственных продовольственных органов в Сибири, разумеется, выполняет задания, которые идут из направляющие эти органы центра, и мало кто считается с местными хозяйственно-экономическими задачами, требованиями и нуждами» [11]. Важно отметить, что политика хлебной монополии Временного

правительства оказалась экономически неэффективной — только затраты на ее введение обошлись государству в 1 млрд руб. [16].

Беспокойство властей Сибири было вызвано ухудшением ситуации со снабжением хлебом населения в городах и рабочих поселках, переселенцев таежных районов региона, а также беженцев, которых только в Алтайской губернии скопилось до 200 тыс. чел. [17, с. 84]. М.В. Шиловский констатирует: «Несмотря на богатый урожай 1917 г., повышение закупочных цен в августе на хлеб в два раза и хлебную монополию, ситуация на потребительском рынке катастрофически ухудшилась» [18, с. 94]. «Семейным рабочим в Анжерке и Судженке выдавали по 5 фунтов муки в неделю» [19, с. 33], это, естественно, порождало острое недовольство рабочих местными властями и, как следствие, радикализацию их настроений. В связи с этим томский большевик В.М. Косарев общал: «Настроение в Анжерке и Судженке у рабочих боевое и преобладает сочувствие большевикам» [20].

С неудовлетворением сибирские политические деятели отмечали: «С общим хозяйственным и экономическим положением Сибири решительно никто не считается, и только все настаивают на одном, что Сибирь обязана всех кормить, хотя бы даже и в явный ущерб себе. Дело, в конце концов, дойдет до того, что огромная Восточная Сибирь будет буквально жить голодом, а Западная Сибирь с усердием будет отправлять все необходимые продукты только для Европейской России» [11]. Как сообщала петропавловская газета «Наша мысль», в регион «голод пришел». По ее сведениям, в Барнауле возник мясной голод, а на птицу были введены твердые цены. В центре хлебного Петропавловского уезда месячная норма отпуска муки населению была уменьшена до 30 фунтов на человека в месяц. Еще более серьезная ситуация сложилась в таежных местах. Так, из Мариинского уезда сообщали, что «на переселенческих участках Козегольской волости — форменный голод. Та же картина и в ряде других районов таежных мест» [21]. В Красноярске, Омске и Иркутске уже в октябре 1917 г. в свободной продаже не хватало хлеба.

Негативно влиял на государственные заготовки продовольствия и обеспечение населения городов хлебом кризис железнодорожного транспорта. Из-за постоянных забастовок рабочих депо, вызванных резким снижением их жизненного уровня, и митинговой демократии срывались все ремонтные работы, поэтому резко выросло число неисправных паровозов. Еще весной 1917 г. на Томской дороге они составляли 25,4% от общего числа паровозов, а на Алтайской дороге летом «больные» локомотивы составили 28% общего парка. При этом наличие «больных» паровозов часто было связано с отсутствием металла для ремонта. Администрация железных дорог была неспособна преодолеть кризис хозяйства [17, с. 55].

Свою роль в развитии кризиса железных дорог Сибири играло и негативное отношение многих рабочих-железнодорожников к социальной политике правительства, которая привела к падению жизненного уровня путейцев, что не могло не сказаться на их отношении к требованиям властей. Серьезное положение с подвижным парком железных дорог вынудило прибыть в Сибирь товарища министра путей сообщения Л.А. Устругова, попытавшегося убедить рабочих интенсифицировать свой труд, чтобы восстановить нормальный ритм грузоперевозок [22, с. 121], но это не помогло, так как железнодорожники региона активно включились во Всероссийскую забастовку в октябре 1917 г.

На общем состоянии железных дорог Сибири сказывались также забастовки рабочих угольных копий. Так, по сообщениям Акмолинской продовольственной управы, из-за снижения добычи и поставок угля в ее распоряжение невозможно было вывезти в западном направлении заготовленный в области хлеб [23]. В итоге объективных и субъективных факторов к концу 1917 г. провозоспособность железных дорог Сибири упала на 16–20 % от уровня предыдущего года. Важно учитывать, что в 1916 г. на магистралях региона уже наблюдалось серьезное сокращение грузоперевозок.

Свою роль в падении дееспособности железнодорожного транспорта осенью 1917 г. играла самовольная демобилизация сибирских солдат. При нехватке паровозов они под угрозой применения оружия захватывали локомотивы, отцепляя их от продовольственных и других составов. Активный участник революции и Гражданской войны в Сибири П.С. Парфенов вспоминал: «...почти у всех имелось оружие; некоторые солдатские землячества везли с собой даже пулеметы и ленты к ним: в хозяйстве все сгодится» [24, с. 20]. При отсутствии паровозов возбужденные солдаты активно «воздействовали» на персонал железнодорожных станций, еще больше усиливая хаос на дорогах [25].

По этой причине в 1917 г. по Сибири было перевезено всего 39,5 млн пудов грузов против 81 млн в 1915 г. [26, с. 41]. В июле Акмолинская продовольственная управа не выполнила наряд на 1 млн пудов хлеба [27]. Она же осенью сообщала о новом падении хлебных перевозок: «За октябрь месяц из Акмолинской области вывезено всего 2 298 вагонов, из которых 461 вагон — в действующую армию» [12]. Сопровождались перевозки хлеба погромами хлебных поездов, «сотни разбиваемых по линиям железных дорог вагонов с хлебом, голодные митинги и голодные погромы и без того пустующих продовольственных складов», что еще больше усугубляло продовольственную ситуацию в стране [28].

В то же время урожай хлеба в Сибири в 1917 г. оказался обильным, и в хлеботорговых уездах имелись огромные запасы зерна — валовой сбор хлеба в Сибири в это время по оценкам экспертов, составил 599,1 млн пудов [29, с. 50]. Однако абсолютная

индифферентность и политический абсентеизм крестьян ряда уездов региона («было бы у нас в деревне ладно — остальное наплевать» [30, л. 25]), непопулярность Временного правительства последнего состава не позволяли властям произвести необходимые заготовительные работы, хотя, например, из Мариинска сообщали: «Хлеб в уезде в связи с богатым урожаем имеется, но лежит в амбарах и гонится из него самогонка. Органы продовольствия бессильны сделать что-либо перед почти полным бойкотом их со стороны районов, богатых хлебом. Крестьяне плодородных местностей Мариинского уезда хлеба не дают» [21], т.е. владельцы хлеба отказывались его сдавать по твердым ценам, наживаясь на спекуляции, самогонварении, попутно ожидая нового повышения цен и более выгодной рыночной конъюнктуры [11], что негативно сказывалось на продовольственном положении городов края и анклавов расселения новоселов.

Это накалило взаимоотношения города и деревни. Так, совещание сельских кооператоров Алтая констатировало: «Рост продовольственного кризиса, выражающийся, с одной стороны, недостатком и дороговизной предметов первой необходимости, что является результатом общегосударственной разрухи в связи с войной, и с другой стороны, вследствие повышения цен на фабрикаты рост цен на продукты крестьянского хозяйства — все это вызывает недовольство городского населения» [17, с. 59]. Совещанием было признано, что дороговизна продуктов породила в отношении кооперативов крестьян погромные настроения среди горожан. Крестьяне в качестве ответа прекращали подвоз продовольствия в город [17, с. 59].

Несмотря на вести о срыве хлебозаготовок в Сибири в интересах Европейской России и проблемах обеспечения продовольствием жителей городов края, беженцев, ряда мест расселения новоселов, Временное правительство требовало «сделать нажим и подобрать в Сибири все, что здесь находится» [13]. «Омский вестник» констатировал: «Внеплановые наряды на хлеб из сибирских районов стали уже почти обыденным явлением» [13].

Хлебный саботаж крестьян края и расстройство железнодорожного транспорта оживили такое социальное явление, как «мешочничество». Развал в стране поставок продовольствия, голод в промышленных городах и потребляющих губерниях северной части Европейской России, а также в переселенческих районах таежной части Сибири привели к стремительному развитию хлебной спекуляции, втянувшей в себя огромные массы населения страны — «уже надвинулся голод. О нем кричат тысячные толпы бродящих по стране мешочников — самых доподлинных голодающих крестьян и тоже самых доподлинных мелких спекулянтов на голод» [28].

Небывалый размах мешочничества стимулировало само Временное правительство. Так, проводя

совещания представителей торговых фирм и кооперативных банков о возможной передаче в их руки хлебозаготовительных операций, оно поставило продовольственные комитеты Сибири в ненормальное положение. Правительство, как сообщал «Омский телеграф», «в своих циркулярах проводит мысль о необходимости возрождения частного торгового аппарата для заготовки хлеба» [11]. Уже на легальных основаниях мешочники всех категорий буквально наводнили хлебные уезды Сибири, еще больше усиливая кризис на железных дорогах. По сообщению газеты «Степная речь», железнодорожная администрация апеллировала к местным властям с просьбой «принять меры по отношению к проезжающим мешочникам, из которых большая часть спекулянты, чем избавит агентов от угнетения и издевательства, ибо мешочники требуют остановки всех людских поездов для погрузки муки, а если не остановить, то угрожают самосудом... В то же время мешочники наносят материальный ущерб дороге, ибо в станции ежедневно бьют стекла, самовольно жгут дрова в кострах и непрерывно топят печи в помещениях станции» [12]. На Втором Всесибирском съезде Советов В.Д. Виленский-Сибиряков в докладе по продовольственному положению в Сибири особое внимание делегатов обратил на катастрофическое положение краевого железнодорожного транспорта, паралич работы которого поставил под угрозу голодной смерти районы с расселением новоселов [30, л. 14].

Социально-экономический кризис вызвал у определенной части населения Сибири стремление перейти к системе государственного вмешательства в дела производства и распределения продуктов массового пользования [31, с. 50], о чем в той иной форме с начала лета 1917 г. говорилось в резолюциях ряда съездов общественности края. Так, в июне Мариинский съезд Крестьянского союза потребовал безвозмездно национализировать все закрывающиеся фабрики и заводы для организации на них производства государством. Также было заявлено о необходимости «установления твердых цен на все предметы первой необходимости и справедливого распределения потребителей через общественные организации» [1, с. 57].

О твердых ценах и нормированном распределении продуктов заявляли в мае 1917 г. Верхотурский уездный крестьянский съезд [31, с. 40], в июне — конференция фабзавкомов Красноярска [22, с. 82], в июле — I Съезд горнозаводских рабочих Западной Сибири [1, с. 70] и I съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Алтайской губернии [17, с. 32], в августе — Съезд депутатов волостных Советов Мариинского уезда [17, с. 86] и II Западно-Сибирский съезд рабочих и солдатских депутатов [32, с. 91], в сентябре — Томский губернский съезд крестьянских депутатов [1, с. 107] и IV Курганский уездный крестьянский съезд [33, с. 103]. Появилось и требование ввести все-

общую трудовую повинность в резолюциях Съезда горнозаводских рабочих Западной Сибири и Томского губернского съезда крестьянских депутатов [1, с. 70, 107], Съезда рабочих и служащих Алтайской железной дороги [17, 86], Съезда уполномоченных волостей Красноярского уезда [22, с. 51], II Западно-Сибирского съезда рабочих и солдатских депутатов [32, с. 85].

О необходимости подавления спекуляции и мешочничества, а также введения государственного учета, контроля, распределения продовольствия и товаров первого спроса через карточную систему в Сибири, чтобы преодолеть снабженческий кризис, заявляли многие съезды и совещания краевой общественности на протяжении лета и осени 1917 г. Разгул мешочничества впервые поставил вопрос о реальной борьбе с этим социальным явлением. Так, для пресечения бесконтрольного вывоза хлеба (например, ежедневно из Омска нелегально вывозилось до 2 тыс. пудов [12]) Совещание общественных организаций Кургана декретировало создание на станциях железной дороги и на всей территории уезда заградительных отрядов, а также решило «войти в контакт с соседними районами для принятия однообразных мер по регулированию продовольствия и борьбе с мешочниками и спекуляцией» [33, с. 117]. Тем самым осенью 1917 г. к местным властям и правительству в «низах» сибирского общества оформились требования ввести жесткое государственное регулирование с целью предотвращения в регионе экономической катастрофы [34]. Эти требования общественности являлись императивом времени, определяя дальнейший ход революции в Сибири.

Данная система чрезвычайных мер регулирования управления народным хозяйством, получившая определение «военный социализм», была одновременно как итогом развития в ведущих странах Европы начала XX в. государственно-монополистического капитализма, так и итогом военной борьбы на истощение в ходе Первой мировой войны. Для России система «военного социализма» стала жизненной потребностью уже в середине 1917 г., однако коалиционные правительства в силу своей социальной природы не смогли встать выше интересов буржуазии. Министр труда Великобритании Артур Хендерсон, посетивший летом 1917 г. Россию, отметил, оценивая позицию русской буржуазии, активно не принимавшей систему «военного социализма», — «чисто азиатские предрассудки». Он объяснял «капитанам» русской промышленности, что «интересы государства должны стоять на первом месте... Не думайте, что это социализм — это просто временная необходимость в условиях, когда страна сражается за свое существование и территориальную целостность» [2, с. 204]. Однако все мероприятия, которые наметило Временное правительство в рамках концепции «военного социализма», последующими постановлениями дезавуировались, что еще больше накаляло

социально-политическую ситуацию в стране в целом и в Сибири в частности.

Негативное влияние экономической катастрофы в Европейской России на состояние хозяйственных дел в Сибири активизировало краевые политические силы, часть которых активно выступала за переход управления народным хозяйством региона в руки Сибирской областной думы [35]. Так, I Сибирский областной съезд, состоявшийся в октябре 1917 г., заявил: «При единстве Российской республики отдельные ее части должны быть организованы на началах автономии национальностей или территориальной. Сибирь в качестве автономной единицы должна обладать всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти» [1, с. 121–122]. Делегаты съезда решили, что следующий областной съезд правомочен создать областную думу, краевое правительство и принять конституцию Сибири, так как состоявшийся форум объявил себя «высшим законодательным органом региона» [36, с. 36]. Однако внутренние противоречия съезда, острые разногласия между фракциями эсеров и областников не дали совершить в условиях общенационального кризиса акт сепаратизма. Кроме того, свою роль в неудаче работы Сибирского областного съезда сыграл Акмолинский областной съезд крестьянских депутатов, который заявил, что «Западная и Восточная Сибирь представляют из себя самостоятельные области» [32, с. 123].

Важно учитывать, что под влиянием общенационального кризиса в сфере экономических отношений процесс суверенизации охватил в это время не только Сибирский регион, но и остальные части бывшей Российской империи. Признавая этот факт, нарком национальностей Советского правительства И.В. Сталин позже констатировал: «Россия как государство представляла картину развала. Старая «обширная Российская держава» и наряду с ней целый ряд новых маленьких «государств», тянувших в разные стороны» [37, с. 225].

Стоит отметить, что в силу особого географического положения и из-за относительно более слабых проявлений экономической катастрофы народного хозяй-

ства страны радикализация и анархизация настроений основной массы населения Сибири отставали от аналогичных процессов в России. Хотя, как писал в обзоре краевых событий областник В.М. Крутовский, «свободы» были поняты вообще, как свобода от сдерживаемых всего, особенно в деревне, а город в этом отношении подавал только пример. И на почве отрицания закона, отсутствии сдерживающей силы извне и на почве психологии старой власти в деревне и в городе начинает процветать самосуд толпы, который принимает в некоторых местах ужасный, трагический характер» [38, с. 112].

Несмотря на областную специфику, население Сибири осенью 1917 г. уже было готово принять все политические и социальные изменения, которые могли произойти в столицах страны, как это было во время Февральской революции. Это был симптом наступления периода «усталости демократии», когда часть населения региона под влиянием всех форм проявления общенационального кризиса заняла позицию политического абсентеизма, о чем говорят, например, итоги выборов в земские органы власти [39, с. 58].

Из всех органов демократической власти новой России, которые за восемь месяцев революции своей политикой лишь усугубили ситуацию в стране, в глазах сибирского крестьянства и части городского населения края только институт Учредительного собрания еще сохранял ореол легитимности и сакральности, что нашло отражение в резолюциях ряда съездов и конференций общественности Сибирского региона [40].

Таким образом, осенью 1917 г. в Сибири сложился системный, или общий, кризис как часть общенационального кризиса России. Преодолеть данный кризис через радикальные преобразования и систему «военного социализма» партии правительственной коалиции и русская буржуазия в предшествующий период революции не смогли и были обречены на свержение и экспроприацию, что произошло в ходе Октябрьского политического переворота в России и стихийной советской национализации рубежа 1917–1918 гг.

Библиографический список

1. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. — Томск, 1992. — Ч. 1.
2. Чернов В.М. Великая русская революция. — М., 2007.
3. Черняк Э.И. Революция в Сибири. — Томск, 2001.
4. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. : в 2 т. — М., 2011. — Т. 1.
5. Циркуляр МВД губернским комиссарам, начальникам областей и градоначальникам // Вестник Временного правительства. — 1917. — 14 (27) июля. — № 104.
6. Заседание ВЦИК СРС депутатов: Речь министра внутренних дел Н.Д. Авксентьева // Известия (Петроград). 1917. — 5 авг. — № 136.
7. Омский телеграф. — 1917. — 29 июля. — № 162.
8. В. К. Областное обозрение // Сибирские записки. 1917. № 6.

9. Подвоз хлеба // Вестник Временного правительства. 1917. 17 (30) мая. № 56.
10. Омский телеграф. — 1917. — 26 авг. — № 185.
11. Омский телеграф. — 1917. — 7 сент. — № 193.
12. Автономия Сибири // Степная речь (Омск). — 1917. 28 нояб. — № 263.
13. Сибирское «благополучие» // Омский вестник. — 1917. 6 (19) сент. — № 195.
14. Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921. — СПб., 2002.
15. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. — М., 2005.
16. Мальцев А. Заем Свободы // Омский вестник. — 1917. — 25 мая (7 июня). — № 110.
17. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных, организаций в Алтайской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. — Томск, 1992.
18. Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. — Новосибирск, 2003.
19. Язвинский В. От Февраля к Октябрю // Горняки Сибири в революции 1917–1927 гг. — Новосибирск, 1927.
20. Косарев Вл. Доклад о поездке в Тайгу, Анжерку и Судженку // Знамя революции (Томск). — 1917. — 9 нояб. — № 132.
21. Голод // Наша мысль (Петропавловск). — 1918. — 23 февр. (8 марта). — № 10.
22. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. — Томск, 1991.
23. Омский телеграф. — 1917. — 2 авг. — № 165.
24. Парфенов П. Из Сибири на Гатчинский фронт // Пролетарская революция. — 1926. — № 10.
25. Буйство солдат // Заря (Омск). — 1917. — 25 нояб. — № 11.
26. Сафронов В.П. Октябрь в Сибири. — Красноярск, 1962.
27. Омский телеграф. — 1917. — 6 авг. — № 169.
28. Пролетарий (Омск). — 1918. — 2 (15) февр. — № 7.
29. Победа Великого Октября в Сибири : в 2 ч. — Томск, 1987. — Ч. 2.
30. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. — Ф. 300. — Оп. 1. — Д. 536.
31. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. — Томск, 1991.
32. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных, организаций в Акмолинской области. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. — Томск, 1992. — Ч. 1.
33. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, национальных, религиозных организаций в Тобольской губернии. Март 1917 – ноябрь 1918 гг. — Томск, 1992.
34. Вся власть, вся земля – народу // Власть труда (Иркутск). — 1917. — 4 окт. — № 215.
35. О конструкции Сибирской власти // Вечерняя Заря (Омск). — 1917. — 19 дек. — № 4.
36. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. — Омск, 2009.
37. Сталин И. Политика правительства по национальному вопросу // Сочинения. — Т. 4. — М., 1947.
38. В. К. Областное обозрение // Сибирские записки. — 1917. — № 3.
39. В. К. Областное обозрение // Сибирские записки. — 1918. — № 1.
40. Резолюция 2-го губернского крестьянского съезда // Сибирь (Иркутск). — 1917. — 17 авг. — № 178.